

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

«Чтобы стать писателем, человеку нужен жизненный опыт, определенная культура и воображение. Без каждого из этих составляющих писательский труд невозможен».

Из ответов Василия Быкова на вопросы читателей о писательском труде.

Но как же начинается писатель? Конечно, каждый по-своему, однако мне всегда жилось, что он начинается с детства, потому что именно там, в детстве, истоки его личности. Вот почему, готовясь к встрече с Василием Владимировичем Быковым, собираюсь прежде всего спросить его о той поре, когда впереди были лишь радужные надежды, тревожащие душу мечты, когда в пении птиц слышался голос будущего...

Мы встречаемся в его доме на Танковой улице в Минске. Но уже после первой части моего вопроса характерная складка на лбу моего собеседника заметно углубилась. Выражение застывшей напряженности на лице заставило меня остановиться.

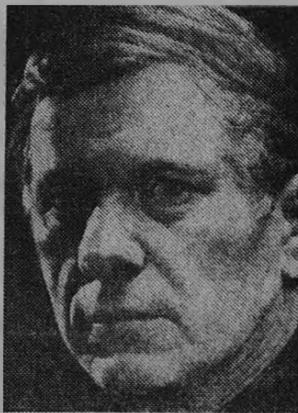
— Родился в крестьянской семье. Но... знаете, у Твардовского есть такое свидетельство, что он не любит своей юности. Я не люблю своего детства. Голодная жизнь, когда надо идти в школу, а нечего поесть и надеть... Единственное, что было отрадой, — это природа и книги. Летом озеро, лес, рыбалка. Если позволяло время, конечно. Ведь надо было работать. И надо, да и заставляли. Но в писательство, конечно, привела любовь к книге. Читал, как помню себя. Первую книгу мне прочитал отец. А уже лет с двенадцати пошла классика. «Воскресение», «Анна Каренина», «Война и мир» Толстого... Это, конечно, было рано. А перечитывать не люблю. Все помню.

В школьной библиотеке книг было немного. Но в селе жили люди, у которых сохранились старые издания. В доме сельского учителя Бобровского, с сыном которого я дружил, стоял сундук старых книг. Писемский, Достоевский, Станюкович, западные романисты — Жюль Верн, Вальтер Скотт, Майн Рид. Помню, попалась мне и Шеллер — Михайлов — четыре тома об изысканной жизни русской аристократии. Читал без всякой системы, без разбора. Но время и опыт все расставили по своим местам. Из классиков я, конечно, выделяю Толстого и Достоевского, хотя считаю, что русских писателей-классиков надо любить всех без исключения. Толстой, как мне кажется, велик своим мироощущением, способностью вобрать в себя и осмыслить целые эпохи с их сложностями и противоречиями. Достоевский — необычайной углубленностью в человека, в его внутренний мир. Моей писательской природе близка также проза Пушкина. Она ясна, немногословна, точна, лишена тропов. Вот стихи не по моей части. Хотя пришлось ими заниматься — лет двенадцать был литконсультантом в гродненской областной газете.

Юношей Быков учился в Витебском художественном училище. Хотя крестьянскому мальчику в определенном смысле легче стать писателем, нежели художником или музыкантом, — это требует специальной подготовки, которую в деревне практически получить нельзя.

— Я рисовал, как все дети, может, немного лучше. И, наверное, поэтому в шко-

ле мне приходилось заниматься стенгазетой. В соседнем селе жил крестьянин по фамилии Бобрик. После гражданской войны он привез из Сибири много книг, годовые комплекты «Нивы», «Огонька», несколько картин маслом в багетовых рамах, пейзажи. Были там репродукции и статьи о Репине, Крамском, Коровине, а также Клевере, пейзажи которого мне тогда очень нравились. Все это как-то отозвалось, загорелось в моей душе. Начал доставать краски, рисовать, писать в какие-то методические кабинеты. Мне

Василий
БЫКОВ

О т и м е н и моего поколения

прислали оттуда брошюры о том, как надо рисовать. Потом наш пионерский вожатый — молодой, энергичный парень Кондрацкий — поступил в Витебское художественное училище. И я туда поехал и поступил. Но вскоре пришлось уйти — в 1940 году отменили стипендии студентам техникумов. Уехал домой, снова пошел в школу. Потом началась война...

Василий Быков, как и тысячи его сверстников, восемнадцатилетним юношей попал в самое ее пекло. Нет, он не писал во фронтовые газеты, не вел дневники — последнее строго запрещалось приказами военного времени.

— Вообще к писательству себя не готовил, не до того было. На фронте не знаешь, доживешь ли до вечера, а уж тем более до Победы. Вот говорят: закончился бой... Да он никогда не кончался. Если немцы не наступают, работают их артиллерия, авиация... Если нас отвели во вторую полосу, жди прорыва на этом участке танков. Да и там тоже бои. Меня как-то спросили читателя, были ли у меня на войне светлые минуты. Да, когда удавалось невредимым вырваться из пекла. Тогда было светло и радостно. Но ненадолго. Вообще на войне и даже долго после нее не только не читать, но и читать о ней не хотелось.

Василий Быков во время войны окончил военное училище, служил в пехоте, командовал взводом «сорокатынок», потом — в истребительно-противотанковой артиллерии.

Я как-то прочитала высказывание Чингиза Айтматова о том, что он не может отделяться от мысли, что судьба сберегла нам Василия Быкова. По свидетельству самого Быкова, из восьмидесяти человек, вместе с ним окончивших пехотное училище, в живых осталось четверо. По документам и сам В. Быков «убит и похоронен» в братской могиле возле деревни Большая Севериновка на Кировоградчине.

— Мне уже приходилось рассказывать об этом.

Это было в январе сорок четвертого. Мы наступали под Кировоградом. Зима. Степь. Наш стрелковый батальон вел бой под Большой Севериновкой. Была ночь, но было светло от свежеевпавшего снега. Немцы атаковали внезапно танками на кукурузном поле. Рассеяли батальон и начали расправляться с нами. Огонь был очень плотный. Мы отстреливались. Я был ранен в ногу. Один танк повернул на меня. Я бросил противотанковую гранату, но промахнулся и едва успел подобрать ноги. Танк буквально вдавил в снег поля моей шинели. Метров через двадцать от меня лейтенант Миргород бросил в этот танк свою гранату.

Танк не загорелся, но вернулся и стал. Мы успели добраться до скирды, потом до полевой дороги, там были наши повозки. Меня привезли в село, которое стояло в лощине. В хате набралось человек пятнадцать раненых. Почью я задремал на лавке. Вдруг слышу, кто-то будит: «Быков, Быков»... Смотрю, надо мной стоит командир батальона. «Ты ранен?» — «Ранен». — «Ходить можешь?» — «Нет». — «Наш батальон разгромился...» Я понимал, что он собирает бойцов, чтобы организовать оборону. Утром село снова атаковали немецкие танки, смяли оборону. Я выполз из хаты на дорогу, где меня подобрала последняя уходящая из села повозка. Один танк остановился напротив нашей хаты и расстрелял ее. Хата загорелась. Очевидно, все это наблюдал и мой командир батальона, он, конечно, не знал, что за пятнадцать минут до того я выполз на улицу. После госпиталя я попал в другую часть. События тех дней нашли отражение в повести «Мертвым не больно», которая наиболее автобиографична из всего мной написанного.

Несколько лет назад я побывал в тех местах. Крестьяне рассказывали, что убитых в январских боях собирали по степи и хоронили уже в марте, когда растаял снег. Можете себе представить, что там было. Вот так я и попал в списки убитых. Домой прислали похоронку.

Сколько было таких случаев? В сущности, вся жизнь на фронте проходила на волносок от смерти. Помню, в Венгрии застряли мы с «сорокалятками» возле мелиоративных каналов. Я лежу рядом с пушкой в грязи торфяника. Опустели сумерки. Немцы изредка постреливают. Вдруг передо мной сильный удар. Вытер лицо, смотрю, в полуметре из грязи торчит дыношко снаряда. А если бы он разорвался?..

У меня была шинель, в которой закончил войну, вся прожженная, в нескольких местах простреленная, пробитая осколками. В сущности, это чистойшей случайность, что эти пули и осколки меня не задело — ведь большинство моих товарищей по Саратовскому пехотному училищу не вернулось. Но и мы, горстка оставшихся в живых, пришли с ранениями и контузиями...

Василия Владимировича многие считают человеком замкнутым, суровым, трудно и неохотно идущим на контакты. Это немного настораживало перед встречей. Хотя что-то явно не сходялось в этих характеристиках с теми впечатлениями, которые оставляли его книги: откуда же в таком случае эта неизбывная любовь и нежность к человеку, это всепроника-

ющее понимание другого? Откуда такое сострадание к своим героям? Признаюсь, я встретила именно такого Быкова, каким он предстает со страниц своих книг: открытого и доброго, ростого и радужного, умного и чуткого.

—...И вот куда появилась так называемая вторая волна военной прсы, когда о войне начали писать бывшие лейтенанты, солдаты, — это явилось настоящим открытием: так нов, произительно и правдиво звучали слова о войне... Я имею в виду книги Юрия Бондарева и Григория Бакланова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, Юрия Зорчарова и Константина Гребнева. И, конечно, Владимира Богомо-

лова, чьи книги — «Иван», «Зося», а потом и более поздняя вещь, роман «В августе 1944-го» — это обнаженная правда войны, почти документальная проза о ней. Я не хочу этим сказать, что другие авторы пишут хуже. Просто мне ближе те, кого я называл. Именно их проза и укрепила мое желание писать про войну.

Писал я о том, что видел и пережил сам, что пережили мои товарищи. Конечно, в моих книгах нет буквального воспроизведения жизненных ситуаций. Но все, о чем я пишу, так или иначе было.

— Был ли такой комбат Волошин и ситуация, о которой вы рассказываете в повести «Его батальон», — такой же тяжелый бой и такой же замечательно смелый комбат, которого несправедливо отстраняют от командования и который все равно продолжает воевать?

— У нас был командиром полка Волошин, а фамилия моего комбата была Кузнецов. В какой-то мере с него списан облик моего героя. Кузнецов до войны был учителем — спокойный, ровный, умеющий держать себя с подчиненными. Он крепко держал батальон в подчинении и в бою твердо управлял им. Наш Кузнецов не погиб, как Волошин, он был ранен под Валатоном, а потом я потерял его из вида.

Что такое комбат на фронте? Это как председатель колхоза — на нем главная ответственность за успех дела. Комбату приказано наступать, а немцы не пускают, силы его тают, а наступать надо.

Таких ситуаций, как в моей повести, на фронте было немало. Неудачные бои всегда сопряжены с огромной нервотрепкой, с потерями.

— Очевидно, вашим личным опытом и определяется ваш выбор главного героя — молодого воина, будь то лейтенант, сержант, рядовой?

— Естественно. Сам я был в стрелковых подразделениях, а в них почти всем по восемнадцати — двадцать. Бывало, глянешь на испечку бегущих в атаку — одни мальчишки. Вот почему молоды мои герои. Знаете, мне часто пишут бывшие фронтовики. Среди писем есть и такие: дескать, всякое было на фронте, но зачем об этом писать? Сейчас надо что-то и забыть, а что-то не грех и приукрасить. Не могу с этим согласиться. Не могу принять и такой формулы, когда о человеке говорят: он

прошел всю войну — значит, он герой. Для нас, фронтовиков, еще важно, кем он был на этой войне, где служил. Некоторые ее участники за всю войну ни разу не выстрелили. Конечно, от каждого этого и не требовалось. Ведь армия как государство, в ней важен и бухгалтер и интендант, и начфил, и стрелок, и разведчик. Но степень риска, пережитых трудностей и вклада в Победу у этих людей различная. Для меня главный герой войны тот, кто лицом к лицу сходил с врагом. Вот почему я писал и буду писать именно о таких героях — непосредственных участниках боев, фронтовиков.

Однажды меня спросили: верю ли я, что энергия таких людей, как Ивановский, не пропадает. Мне кажется, что переживания одного человека, который идет на самопожертвование, не должны пропадать бесследно. Человек, который пошел на самопожертвование, должен пребывать в уверенности, что его поступок нужен другим и будет по справедливости оценен ими.

— Вы говорили, что для писательской работы необходим жизненный опыт. Ваши фронтовые повести создавались на его основе — вы воевали в действующей армии. А как вы пишете о белорусских партизанах, откуда берете ваши сюжеты?

— Да, у меня нет опыта партизанской войны. Но в Белоруссии его много. Как, например, родилась «Волчья стая»? Во время блокад, окружений населения скрывалось от фашистов в лесах и болотах. Немцы, что называлось, устраивали «зоны пустынь», истребляя всех. Вот об одном таком случае мне рассказали, остальное — дело воображения.

— Кстати, об этой повести. Помните, на читательской конференции в ноябре прошлого года в Библиотеке имени Ленина вас спросили, почему эта повесть имеет так называемый «открытый конец» — почему Левчук, приехав в город, где живет спасенный им мальчик, теперь уже взрослый человек, как бы побивается этой встрече? Тогда вы ответили односложно, что финалы могут быть разными. В «Третьей ракете», «Альпийской балладе», «Обелиске» вы ставите в конце точку. В «Волчьей стае» это должен сделать читатель. Вы даете возможность читателю предположить, что Левчука здесь могли встретить не должным образом?

— Конечно. Время, к сожалению, часто расторгает старые связи, разводит людей, их контактность убывает с годами. Я это знаю по себе. Помните фильм «Белорусский вокзал»? Как мило смотреть, что эти хорошие люди сохранили фронтовое братство! Но в жизни зачастую бывает иначе. Я пытался разыскивать старых друзей. Ищешь одного — находишь другого, совсем не похожего на того, прежнего. Зато вториче дорожишь испытанной временем старой дружбой. Тем более, если она началась на фронте, проверена в бою.

С другой стороны, время сводит с новыми людьми, с которыми ты словно бы шел разными дорогами по жизни,

а они оказываются тебе близкими и дорогими. Вот с Виктором Астафьевым мы вместе не воевали, юношеская дружба нас не связывает, а отношения у нас самые братские — нам с ним нечего выяснять, все ясно.

Поэтому я и оставил «открытый конец» — в жизни все может быть... Кем он стал, этот спасенный ребенок? Пусть читатель подумает.

— О последней вашей повести «Пойти и не вернуться» много пишут и спорят и читатели, и критики. Что побудило вас написать эту драматическую историю?

— Время действия повести — финал Сталинградской битвы. Сталинград много

значил не только для фронта — его победа отозвалась и на оккупированной территории. В Белоруссии Сталинград стал поворотным моментом в развитии партизанского движения. Многие из тех, кто еще не выбрал своего пути, колебался, именно после сталинградской победы пошла в партизаны. Даже некоторые полиция стали налаживать связь с партизанами. И лишь те, кто сильно увяз в преступлении перед народом, остались при своем, становясь еще более жестокими, и шли напролом, по лужам крови.

В этой повести мне хотелось показать пути выбора, проследить за психологией человека, ступившего на путь предательства, но вдруг узнавшего о Сталинграде. Антипод ему — Зося, которая сделала выбор давно, в самом начале.

— У вас много героинь-женщин. Вы с большой теплотой и очень целомудренно пишете о женщине на войне.

— Как раз в моих повестях мало женщин...

— А Джулия, Люся, Вера, Клава, Зося?..

— Вообще женщина и война — нечто противоестественное и несовместимое. Ведь в боевых условиях женщина всегда оказывалась более страдательным лицом, чем мужчина. Мужчины постарше особенно хорошо это понимали. Девушки тоже льнули к тем, в ком они видели нечто отцовское, материнское даже. В армии была введена должность санитарки роты, которую обычно занимали девушки. Они должны были оказывать первую помощь и эвакуировать раненых. Когда пехота под огнем залегала, они ползли от одного раненого к другому. Часто и погибали так в первом бою.

Это время страданий, выпавшее на долю женщин на фронте, и побуждает нас с таким пиететом и состраданием относиться к ним в литературе.

— Ваши многие вещи экранизируются, поставлены в театре. Удовлетворяют ли вас эти работы?

— Действительно, театр и кино часто обращаются к моим произведениям. Реже удачно. Но что делать, здесь я не повинен. Удачнее других, на мой взгляд, экранизация «Сотникова», сделанная безвременно ушедшей из жизни Ларисой Шепитько. Фильм, как вы знаете, называется «Восхождение». Чем эта постановка в принципе отличается от других? Преж-

де всего психологической углубленностью в тему. Шепитько не пошла по линии фиксации образов повести, а стремилась ее углубить, драматизировать ситуацию, характеры. В других случаях имело место облегченное изображение конфликтов, иллюстративность. Хотя кое-что в «Восхождении» я как реалист и не принимаю. Например, эпизод, когда Рыбак начинает даже проявлять любовь к своей жертве — Сотникову. Это уже нечто трудно постижимое, языческое. Но это и не недостаток фильма, а просто иной взгляд художника-кинематографиста.

Как бы ни было глубоко и прочно творчество Василия Быкова связано с прошлым, отстоящим от дня сегодняшнего на три с половиной десятилетия, оно глубоко и по-настоящему современно. Верность долгу, честность и мужество в схватке с трусостью, желание приспособиться — разве эти проблемы отодвинуты временем, разве все нравственные вопросы решены в нашей жизни? Вот почему военная проза В. Быкова столь современна, вот почему его книги читают в пятидесяти странах мира, а в наших библиотеках на Быкова записываются в очередь. Его заслуги отмечены Государственной премией СССР. Василий Владимирович уже во второй раз избирается депутатом Верховного Совета Белорусской ССР.

— Какие вопросы приходятся вам решать, с чем к вам приходят люди?

— Как депутату приходится заниматься разными вопросами, пробивать какие-то решения, помогать хозяйственникам доставать материалы. Както один председатель колхоза сказал, что его колхоз мог бы купить самолет — такой он богатый. И в самом деле мог бы — и не только потому что богатый, а потому что, наверное, самолет легче купить, чем, скажем, шифер или бетонные опоры, чтобы расширить коровник. Хозяйства разрастаются, а материалов не хватает. Сейчас, как мне кажется, село может развиваться лишь при разносторонней помощи извне. Ведь техника в селе полно. Но эта техника поразбивала все дороги и сама вязнет, гребится от бездорожья. Разумеется, проблема дорог в сельской местности заботит и хозяйственников, и меня как депутата. Было бы неправильным рассматривать ее как проблему частную: в нее упирается развитие всей сельской экономики. Об этом, кстати, была глубокая и интересная статья в «Правде» Василия Белова, писателя, искренне озабоченного проблемами современности.

Часто ко мне как депутату обращаются люди, которые по поводу пенсий. По возможности стараюсь помогать: ведь забота о людях, много трудившихся и воевавших, — наша святая обязанность.

...Живые заботятся о живых, берегут память о погибших. Среди них незримо живут и герои Василия Быкова как свидетельство человечности, как напоминание о долге перед павшими — перед теми, кто не дожил, недолюблил.

— Василий Владимирович, что бы вы хотели пожелать читателям «Советской культуры»?

— Верить нашей литературе. Ведь в целом литература служит человеку и, подобно дольбачим скалу каплям воды, с поразительной настойчивостью прокладывает в человеческом сознании путь к добру и справедливости.

Беседу вела
Н. КУЗНЕЦОВА.